

На правах рукописи

ВАСИЛЬЕВ ГЛЕБ ЕВГЕНЬЕВИЧ

**ОНТОЛОГИЯ ВЛАСТИ.
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

Специальность 09.00.11. – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Москва 2009

Работа выполнена на кафедре философии и культурологии Гуманитарного
факультета Московского государственного университета прикладной
биотехнологии

Официальные оппоненты:

доктор философских наук,
профессор Ануфриев Евгений Александрович

доктор философских наук,
профессор Югай Герасим Андреевич

доктор философских наук,
профессор Лошилин Александр Николаевич

Ведущая организация: Государственный университет управления

Защита состоится «22» июня 2009 года в 15⁰⁰ часов на
заседании диссертационного совета Д 212.154.06 при Московском
педагогическом государственном университете по адресу: 117571, г. Москва,
проспект Вернадского, д. 88, ауд. 818

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке МПГУ по адресу:
119992, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000547821

Автореферат разослан «14» мая 2009 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета

Михайлов В.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В диссертации исследуются философские проблемы власти и Управления. Излагаются основные положения авторской философской онтологической концепции власти, прежде всего в экзистенциальном ее ракурсе, а также социальные, этические, психологические, культурологические и политологические ее следствия и аспекты.

Актуальность исследования. В настоящее время проблема власти является чрезвычайно насущной проблемой, однако именно понятие власти, в его онтологической, экзистенциальной сущности, практически никак не определено; при этом, однако, данное понятие постоянно используется в различных дискурсах и в совершенно различных контекстах зачастую с буквально противоположными смыслами; что, разумеется, приводит как к путанице понятий, так и к весьма разноречивым выводам в исследованиях, не говоря уж о негативных социальных последствиях.

Автор полагает, что довольно актуальным здесь является кардинальное различие в представляющемся едином процессе «власти», «управления» двух противоположно, онтологически, направленных векторов становления, которые обозначаются им как а) *власть* – негативно направленный вектор становления, и б) *Управление* – позитивно направленный вектор становления, актуализации. И данное онтологическое, философское различие полагается им необходимым и насущным при рассмотрении практически всякой управленческой («властной») системы (и, еще более важно, субъекта), – с целью действительного их определения и оценки.

Тем более актуальным является определение специфики понятия «власти» в различных культурах, обществах, где данное понятие, – а если говорить точнее, некое своеобразное единство «власти» и «Управления», практически всегда сопричастующих двух онтологических моментов данного процесса, – всегда имеет, так же, свою своеобразную специфику; и в настоящее время, время тесного взаимодействия различных народов и культур, данная проблема, ее понимание и адекватное, оптимальное ее решение, выходит на первый план.

И особенно важным и актуальным в настоящее время является проблема взаимоотношения *власти и личности*, в том числе личности и как «управляющей», «властвующей», так и личности «подвластной», «управляемой»; и без четкого осознания онтологических основ процессов «власти» (и, разумеется, Управления) подобные, зачастую именно *экзистенциальные*, проблемы разрешить будет практически невозможно, и люди, управленцы, а тем более исследователи в области власти и управления, будут совершать те же ошибки, которые совершали и совершают постоянно.

Степень изученности проблемы. Именно *онтологические* аспекты философии власти (и Управления) являются очень мало изученной областью исследования. По данной проблеме практически не существует никаких фундаментальных философских работ. Обыкновенно данная проблема, проблема «власти», рассматривается либо с политологических,

социологических, либо с сугубо этических или психологических своих сторон, но, практически, никогда – с онтологических, а тем более экзистенциально-онтологических. Автор в данной работе попытался восполнить этот пробел и исследует проблему «власти» (и Управления), специфически их определяя, именно с онтологической их основы, даже в определенной степени – с *экзистенциально-онтологического* их ракурса.

В то же время автор в своем исследовании основывается на уже существующих определенных наработках и результатах, имеющих место в истории философии. Производя своё исследование, автор, в той или иной мере, опирался на учение и труды таких философов прошлого и настоящего как: Гераклит, Платон, Аристотель, Н. Макиавелли, И. Кант, Г. Гегель, С. Кьеркегор, К. Маркс, М. Вебер, Ф. Ницше, Ф.М. Достоевский, К.С. Аксаков, А.С. Хомяков, Н.Я. Данилевский, В.В. Розанов, Н.А. Бердяев, В.Ф. Эрн, И.А. Ильин, Б.П. Вышеславцев, З. Фрейд, К.Г. Юнг, А. Адлер, О. Шпенглер, М. Хайдеггер, А. Кожев, Э. Фромм, А.Ф. Лосев, Л.Н. Гумилёв, М. Фуко, Ж. Лакан, Ж. Делёз, Ж. Бодрийяр и др. Пусть вышеперечисленные мыслители и не разработали некоей, действительно, *онтологической* модели «власти», – ближе всего к созданию таковой, видимо, подходил, всё-таки, Платон, – однако их концепции дали широкий материал и аналитическую базу для авторского исследования: как в экзистенциальном, так и в социальном его аспектах.

Цель и задачи исследования.

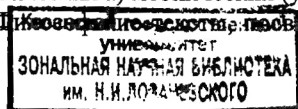
Целью настоящего исследования является определение экзистенциально-онтологических основ «власти» (и, кардинально различного с ней, *Управления*); раскрытие власти как прежде всего экзистенциального, личностного феномена, – и, вторым шагом, определение возможностей и специфики, исходя из вышеуказанной онтологии, реализации данного феномена в социальной сфере.

Для осуществления поставленной цели диссертационного исследования потребовалось разрешение следующих основных задач:

- на основании исследования различных философских концепций прошлого и настоящего автор раскрывает онтологические основы власти; раскрывает эти основы как прежде всего экзистенциальные;
- определяет и раскрывает и экзистенциально-онтологические основы противоположного феномену власти Управления;
- определяет этические, социальные, психологические, политологические и культурологические выводы, следующие из данной онтологической экзистенциальной концепции;
- определяет принципиальные возможности применения полученных результатов и выводов в практической управленческой деятельности, с целью оптимизации управленческих процессов, принятия управленческих решений, оптимизации процессов управленческого отбора.

Объект исследования.

Феномен «власти», в его онтологических а) меонических (уколических) и б) экзистенциальных основаниях. Феномен «власти», в его социальном аспекте, проявляющийся так

или иначе данной проблеме, проблеме власти, в указанном ракурсе. А так же – противопоставляемое власти автором Управление.

Предметом исследования является разработка философских основ и путей преодоления власти (в авторском понимании феномена), снятие ее в процесс действительного Управления.

Теоретической и методологической базой исследования являются труды как современных отечественных и зарубежных философов, так и философов прошлого, особенно античных, так или иначе касавшихся рассматриваемой проблемы, каждый – в своём специфическом ракурсе. Выбор того или иного мыслителя или концепции основывается на том, насколько близко данный автор приблизился к раскрытию указанной проблемы. Прежде всего это касается сочинений Платона, в частности – его диалогов «Государство», «Тимей» etc., – в наибольшей степени приблизившегося к определению и раскрытию экзистенциальной онтологии власти (соотношение онтологии души и общественной онтологии); так же в рамках исследования вопроса нельзя обойти классический труд Макиавелли – «Государь»; важнейшими и узловыми точками теоретического исследования являются здесь тексты Гегеля (в «Феноменологии духа», «диалектика раба и господина») и Ницше (во всём спектре его работ, особенно – «Воля к власти»); изучая и пытаясь разрешить поставленную проблему нельзя обойти вниманием сочинения русских философов и мыслителей, в частности – Достоевского, его «Легенду о Великом Инквизиторе», во многом раскрывающую онтологические основоположения власти. Что касается современных философских концепций, то здесь в качестве базовых текстов могут рассматриваться работы М. Хайдеггера, М. Фуко, Э. Фромма, Ж. Делеза, Ж. Бодрийяра и др. Методологической базой исследования являются те подходы, которые осуществляли в отношении разрешения данной проблемы вышеуказанные философы; особенно – диалектика как в ее платоновском варианте, так и в гегелевском; чрезвычайно актуальными представляются философские техники современных авторов, относящихся к постструктуралистской (постмодернистской, с соответствующими изменениями) парадигме.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в специфическом раскрытии онтологической экзистенциальной сущности «власти». Осуществлен новый

- 1) онтологический подход к изучению феномена власти,
- 2) определена ее меоническая (уколическая) онтология,
- 3) эта онтология определена как прежде всего онтология экзистенциальная,
- 4) проведено и установлено кардинальное различие в едином процессе «власти» (в широком смысле) двух моментов – власти и Управления,
- 5) осуществлено онтологическое, экзистенциальное и социальное различие этих двух составляющих.

Власть полагается как отчужденный, искаженный, обратный вектор становления; онтология власти – меоническая (от греч. *μη ον* – относительное небытие); в основе стремления к власти – внутренний меон (или укон; от

греч. *οὐκ οὐ* – небытие как таковое) субъекта. Власти противопоставляется Управление как положительный, творческий вектор становления (понятие намеренно пишется автором с заглавной буквы, с целью различения его с обыкновенно наличествующим понятием «управления», не имеющим внятной и адекватной онтологии и несколько иначе понимаемом).

Элементы новизны содержатся так же в специфическом, новом подходе к некоторым философским концепциям прошлого и настоящего, во взгляде на них с нового, осуществляемого в данной работе, ракурса, на новых основаниях.

При выполнении исследования были получены следующие существенные научные результаты, аналогично обладающие качествами научной новизны, которые выносятся на защиту:

1. Определена специфическая *меоническая*, т.е. «не-бытийная» (негативная, «уконическая»), онтология власти; раскрыта «меоническая» сущность «властного субъекта». Онтологический источник власти – внутреннее «ничто» (меон, небытие) человека.

2. Обоснован именно *экзистенциальный* подход к проблеме власти (Управления), полагаемый автором первичным по отношению ко всякому «всеобщему», политическому, «системному» и пр.

3. Выдвинут тезис преодоления подобной властной *подавляющей* негативной онтологии и преобразования ее, в целях действительной оптимизации общественных и культурных процессов, в Управление (организованную модель целенаправленного раскрытия *творческих* человеческих возможностей). Онтологический вектор Управления – представляется противоположным негативной онтологии власти.

4. Предложена принципиально новая парадигма анализа и исследования, с подобной экзистенциально-онтологической, Управленческой точки зрения, различных обществ и культур, их взаимодействия, их этических, религиозных, социальных и политических систем.

5. Определены принципиальные и действительные основы исследования современных моделей власти, в частности – массовой манипуляции сознанием и прочих подобных подавляющих, отчуждающих («властных») практик и моделей.

6. Определены специфические философские основы и стратегические принципы разрешения некоторых современных насущных социальных проблем, связанных с процессами «глобализации», столкновения культур.

Теоретическая и практическая значимость результатов исследования определяется вкладом как в философскую онтологию, так и в теорию управления, а так же и в социальные, политические и этические сферы философии.

Значение результатов работы определяется тем, что они, соответствующим образом адаптированные, могут быть использованы во всякой управленческой деятельности, действительно стремящейся к оптимизации своей работы и, главное, раскрытию творческого, человеческого потенциала своих сотрудников; методологические принципы

исследования могут быть использованы для оптимизации межличностных отношений, при разрешении определенных соответствующих управленческих и государственных проблем, некоторых глобальных проблем современности.

Материалы данного исследования могут быть, так же, использованы в учебном процессе при подготовке учебных курсов и учебников по философии, философии управления, философии культуры, социальной философии, этике, психологии управления etc., при подготовке высококвалифицированных специалистов, особенно в области управления.

Апробация и реализация результатов диссертационной работы. Результаты данного диссертационного исследования а) нашли отражение в публикациях, в докладах на различных научных конференциях, в изданных монографиях, статьях и учебных пособиях, а также б) в ведущихся автором эксклюзивных спецкурсах (в МГУПБ) по «философии власти» и «философии хозяйства».

Структура и объем работы. Диссертационная работа состоит из введения, 16-ти параграфов, объединенных в три главы, заключительных выводов, списка использованных литературных источников (347). Объем работы составляет 318 страниц основного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

В первой главе «Онтология власти и Управления» раскрывается онтологическая сущность власти и Управления.

До настоящего момента практически никто углубленно не занимался именно экзистенциальной онтологией власти; исследователи употребляли это понятие, «власть», зачастую совершенно не понимая онтологической сути высказываемого, с самыми разноречивыми смыслами; иные из философов всё же, так или иначе приближались к онтологическому пониманию данного феномена, но никогда, действительно, его таким образом не раскрывали и не постулировали, – Фромм, Адлер приближались к нему с психологического ракурса, Фуко со стороны «социальной физики и оптики», Платон, – может быть, подошедший ближе всех к данной проблеме (например, размышляя об аналогии душевной и социальной структурных иерархий в «идеальном» государстве, или рассуждая о душе тирана), – в социально-онтологическом аспекте, Аристотель – в сугубо социальном плане и т.д., – но никто до сих пор не пытался понять власть именно *экзистенциально-онтологически* и таким образом раскрыть ее «сущностные» основания. И оттого, что практически никто до сих пор действительно не раскрывал онтологической сути власти как таковой, автор ставит параграфы, посвященные именно данной проблеме в начало работы – для большей ясности изложения.

Также автор вводит понятие *Управления* (и это понятие намеренно пишет с заглавной буквы), – которое полагает своеобразной противоположностью «власти», – и раскрывает и его, Управления,

онтологические основания, и так же разбирает его и в этических, и в социальных и прочих ракурсах.

Основная мысль данной работы – *кардинальное* онтологическое различие «*власти*» и «*Управления*».

В диссертационном исследовании под «*властью*» полагается процесс «*подавления*», представляющий собой коренное *отчуждение* энтелехии человеческого становления, являющийся эффектом воспроизводства внутреннего небытия субъекта, его внутреннего *укона* (*меона*), «*небытия*». Источник власти – внутреннее небытие субъекта. Процесс осуществления власти – процесс обратного, «*негативного*», *отчужденного «становления»*; власть *паразитирует* на энтелехии становления. Противоположность «*власти*» – *Управление*; *Управление*, в онтологическом смысле, есть целенаправленное интенсифицированное творческое становление; осуществление *Управления* есть упорядочивающий процесс; уровень порядка подобной, управленческой системы, есть уровень осуществления *свободы* («*свободы для*»); *Управление* есть процесс целенаправленного и актуализированного творчества. Онтологически, *Управление* основывается на Идее и бытии (в платоновском смысле). Власть же, напротив, есть процесс разупорядочивающий. Власть есть процесс подавления и, тем самым, она создает внешние *видимости* «*порядка*», но, по сути, внутренне – только усиливает и преумножает «*внутренний*» хаос подвластных.

Власть можно определить, экзистенциально-онтологически, как проекцию внутреннего *меона/укона* человека на Других, на инобытие, низводящую этих Других до их «*онтологического экзистенциального минимума*», до «*механизма*».

Власть подавляет *страхом*; страх сковывает всё существо человека. В том числе и его внутренний *меон*, его, подвластного человека, неизбывный источник вожделений, – и так создает «*видимости*» «*порядка*»; но это только будут *видимости*, «*идолы*».

Онтологические вектора «*власти*» и *Управления*, в обычной реальной жизни всегда переплетенные, есть «*вектора*» противоположно направленные: *Управление* – на творческую актуализацию, целенаправленное становление; власть – на подавление.

Власть, по сути, есть своеобразное «*стремление к смерти*», к небытию. Смерть – предел и «*идеал*» власти. Власть, для того, чтобы существовать, всегда вынуждена удерживать себя на этой грани, грани небытия, смерти: подавляя других до собственного небытийного состояния, «*меонического минимума*», властный субъект набрасывает на них, *проецируя*, своё внутреннее небытие, свой параноидальный, бессознательный, но всё определяющий в нём, *Страх*. *Управление* же есть, напротив, стремление к бытию, к идее.

Слово «*Управление*» автор различает с бытующим широко распространенным понятием «*управления*», вряд ли что значительно отличающимся со «*властью*» в привычных дискурсах (под «*управлением*» обычно понимают то лишь «*функцию*» власти, то ее внешнее формальное

выражение, но все эти модели «понимания» не имеют внятной онтологии, не определены).

Суть всякой властной системы (ежели не брать в расчет чрезвычайно больших и сложных систем) – *сингулярной субъект (или субъекты)* этой системы. И подобный сингулярный субъект (субъекты), – как то, например, иллюстрируется автором на примере политической философии Аристотеля, – меняет суть («Управленческую» на «властную» и наоборот) всей системы.

Можно сказать, что одна, двуединая по сути, мысль проходит красной нитью сквозь всю данную работу – это «власть» как а) порождение чрезмерности внутреннего меона (укона) субъекта, и б) «власть», в проявлении своем, как «подавление». Власть – это подавление Других, их вожделений и, главное, какой-либо их самостоятельности, Самости.

Говоря более подробно об онтологической сути власти, автор утверждает, что власть, онтологически, есть производное внутреннего небытия (меона, укона) субъекта. Это небытие имеет «место» внутри Я (Самости) субъекта и определяет собой плеонексию (чрезмерное разбухание, *πλεονεξία*) внешней оболочки этого Я. Этот внутренний меон воспроизводит внешние видимости (идолы, эйдолы) подлинного Я, вытесняет его, замещает «эгоистическими» видимостями, симулякрами подлинного Я.

Меон – понятие античной философии, обозначающее относительное небытие, небытие, как недостаток бытия, его некоторое отсутствие; укон же, – тоже понятие античной философии, – небытие как таковое, чистое небытие. Власть, как стремление к власти, есть ложное, иллюзорное становление, представляющее собой разбухание «становящейся» внешней оболочки Я, лишь расширяющееся таким образом в своем «внутреннем» небытии (меоне). Насколько власть «стала» («разбухла»), настолько «распространилось» небытие (меон).

Автор обыкновенно соотносит «власть» с меоном – т.е. небытием относительным, в некотором роде – «инобытием»: поскольку власть, действительно, осуществляется именно в *инобытии*, имеет интенцию сугубо на инобытие, укоренена в нём, определяется им; власть всегда, по сути и определению, ориентирована на *внешнее*, «инобытие», она всегда есть «измена» подлинной сущности становления, «измена» Идее, Бытию, подлинному Я.

Инобытие – «источник» и «цель» власти; в том смысле, чтобы низвести это инобытие (Других) до собственной аналогии: до небытия (меона).

Зияющий эгоизм властного субъекта нацелен на инобытие, на внешнее. «Я» властного субъекта – зияющая внутренняя пустота, *заввения* которой он, властный субъект, ищет в *обладании* иным, каким-то инобытием. Власть, в этом смысле, есть настоящее внутреннее опустошение и тщетная компенсация этого опустошения, внутренний меон и компенсация этого небытия: и как сугубая интенция на инобытие, и как бегство от собственного небытия, внутренней пустоты («бегство от себя»), – и тем только усугубляя это свое внутреннее зияние.

Возможно, автору даже правильнее было бы привязывать и сводить жажду власти, да и саму «власть», как таковую, к *укону* – чистому небытию, а отнюдь не к *меону*, потому как *меон* – это всё же небытие относительное, «пассивное», хаос, первома́терия, потенция; в то время как «власть» всё же есть небытие «активное», *негативно активное*, а не просто пассивно «пустующее»; власть есть не просто отсутствие и хаос, но *архитектоническое* стремление к смерти.

Однако автор, всё же, говоря о власти, говорит о *меоне*, о «меоничности» власти, поскольку «власть», как «*порождение*» *укона*, воплощается, первым шагом, так или иначе, в *меоне*, в *меоне* находит своё первое негативное осуществление, после чего она уже так или иначе может представляться, реализовываться; а до *меона*, до этого «первого воплощения» в нем, и говорить о ней невозможно (как о чистом небытии). Поэтому, говоря о «власти» – автор говорит о ее *меоничности*: как о ее языковом, дискурсивном и, вообще, репрезентативном *пределе*.

Впрочем, если говорить о «власти» (стремлении ко власти) как *уcone* – то это тоже не будет ошибкой и даже, может быть, по сути своей, более верным. Однако автор, очевидно, полагает на подобного рода дискурс некое апофатическое вето, воздерживаясь от столь мистического уже, а не чисто философского, суждения. Однако, положив сущностью власти *меон*, автор, так или иначе, всё равно утверждает отсутствие у нее, «власти», какой-либо действительной, «бытийной», сущности. И говорит в своём исследовании: «внутренний *меон* власти», «меоничность власти», – говорит о ней как, действительно, о чем-то «человеческом», «слишком человеческом», т.е. порожденном *уконическим* (меоническим) зазором, сугубо «человеческим», «абсолютным», небытием.

Говоря о «власти» как порождению *меона*, автор имеет в виду предел этого *меона*, его крайнюю точку, грань перехода в *уcon*.

Автор делает вывод, что онтология власти («проецирующего подавления») есть онтология *меоническая*; «бытие» власти – «мерцает» на грани *меона* и *укона*, во внутреннем хаосе субъекта, в тщетной его попытке заглушить (но не снять!), скрыть от себя, этот внутренний хаос.

Власть – порождение «необходимости». Человеческое становление предполагает взаимодействие, причем чаще негативное, с Другими, с «природой», с «внешней средой», и как необходимая защита от этой, зачастую негативно настроенной внешней среды, предполагает обратное определенное, мерное, возможное, подавление ее, «внешней среды», Других; однако проблема в том, что подобное включение «подавления», «проекции небытия» на это «внешнее» «иное», обыкновенно тотально *отчуждает* субъекта, индивида от его собственной действительной сущности, напрочь прекращая его подлинное, экзистенциальное становление, отчуждая его от самого себя, своей экзистенции, *свободы*, – «необходимость» овладевает человеком – не столько уже даже внешне, сколько, главное – изнутри, обращая его, отчуждая, тотально в, сущностного, *раба*, раба в себе (нацеленного, иначе говоря, на «*обладание*», а не на Бытие, свободу), как раз

лишая его, человека, «внутреннего», утверждая в нём всепожирающую Пустоту.

Власть, с одной стороны, есть вынужденный ответ субъекта на внешнее его подавление, однако, с другой стороны, этот ответ отчуждает, зачастую, субъекта от его подлинной действительной сущности («субъективности», экзистенции), подавляет его самого в его сущности.

Следует заметить, что указанное «отрицательное становление», «внутреннее небытие», проявляющееся вовне как «подавление», наиболее адекватно определяется, как полагает автор, именно современным понятием «власти», – понятие «власти», в современной ситуации, наилучшим образом накладывается на это производное человеческого «внутреннего небытия»; и автор оттого и использует данное понятие («власть») для обозначения указанного «отчужденного негативного «внутреннего» становления», «опустошения».

Итак, в основании процессов власти – внутренний меон (уко́н) субъекта, субъектов, небытие, производящее страх; и, под этим, глубинными, экзистенциальными, страхом – прочие вожелдения, и главное из них – желание власти, т.е. желание подавления других. Внутреннее небытие субъекта проецируется на других, подавляя существование этих других, доводя это их существование до меонической грани, грани «бытия/небытия». Кто не способен управлять собой, обыкновенно компенсирует это в стремление властвовать другими.

Что же касается непосредственно экзистенциального аспекта власти, то можно сказать, что *экзистенция* есть то, что ускользает от всякой власти, в принципе. Экзистенция есть «субъективное», в кьеркегоровском смысле, уникальное. И оттого – нечто невыносимое для «власти», то, что должно быть «подавлено». Власть не выносит экзистенции. Экзистенция есть то, что: а) ускользает от «непосредственной» власти – прямого «подавления»; и б) есть то, что ускользает и от «дискурсивной» власти – от «обозначения». Экзистенция есть, в принципе, дословное. Экзистенция, онтологически говоря, есть особенное уникальное становление, именно взятое в нюансе своей уникальности, единичности. И разворачивается она, экзистенция, именно в целостной обращенности индивида к своему «ничто», предстоянии перед ним, ужасающим, – предстоянии и ужасании, в частности, перед своим собственным «стремлением к власти», являющимся ярчайшим выражением и проекцией этого «ничто». Того «ничто», которое, в первую очередь, *подавляет* самого экзистирующего индивида, в его уникальности, *отчуждая* его в «стремление к власти», лишая его, тем самым, его экзистенциальной «сущности», доступа к ней.

И именно бытийный «просвет» экзистенции позволяет единичному индивиду преодолеть темень и мрак своего собственного «небытия», преодолеть собственное, если угодно, онтологическое отчуждение, «стремление к власти», к «подавлению» других, – и это раскрывает индивида Бытию. А «власть» стремится нивелировать всякую экзистенцию, ее

уникальность, свести ее к некоей собственной «минимальной» единой *поверхности*.

«Эго» властного субъекта – раздутая «ничто» кажимость – подавляет подлинную экзистенциальную самость человека; открытие экзистенции, в этом смысле, есть преодоление этого иллюзорного раздутого «Я» властного субъекта. Резюмируя: под «властью» автор обозначает отчужденное, «отрицательное» становление субъекта, тотально отчуждающееся в иное, в инобытие, проецируя на это инобытие собственное небытие, доводя его, инобытие, до собственного состояния небытия (в «пределе»).

Многие из философов, как прошлого, так и современности, критиковали «власть» (в широком смысле), тем более критиковали «власть» им современную, наличествующий государственный строй и т.п., но делали они это, в значительной степени, более из этических соображений; автор же «критикует» «власть» не столько с этической, хотя и с этической тоже, но, прежде всего, с онтологической точки зрения, подводит под эту, этическую, критику онтологический «базис». Но с другой стороны, он, в то же самое время, предлагает и нечто *конструктивное*, а именно – Управление. И тоже его онтологически обосновывает.

То что мы обыкновенно называем «властью» есть исключительно *искажение Идеи Управления* в нашем «реальном» «мире» «становления и изменения»; то насколько Идея (в платоновском смысле) Управления искажена – настолько воплощена «власть».

Обычно люди склонны смешивать понятия «власти» и «Управления». Однако понятия это совершенно разные. Власть есть подавление других, прежде всего в силу личного *ressentiment* субъекта; Управление есть, напротив, раскрытие способностей этих других, ради достижения определенной цели.

Разумеется, в «реальной жизни» «власть» и «Управление» всегда тесно переплетены в одну нить «правления», «руководства» и столь проникаются в ткань друг друга, что люди склонны ничего такого в этом, двуедином, процессе не различать и называть одним словом: «власть».

Но в этом названном процессе есть совершенно разнонаправленные, разнотенные, если угодно, вещи, составляющие, онтологические Интенции.

Онтология Управления есть онтология Идеи, Бытия, – в противоположность меонической онтологии власти; субъект Управления есть субъект а) способный управлять собой, б) основывающий своё существование, говоря словами Кьеркегора, экзистенцию, на самосознании, или, если быть точнее в экзистенциальном плане, на всей своей целостности, действительной субъективности, экзистенции (есть субъект, по Кьеркегору же, «этический»); и в) несмотря на то, что вектора «становления» власти и Управления, – отчужденного, негативного «становления» «власти», и действительно и целенаправленно становящегося в Управлении, – в «реальной» жизни обыкновенно весьма переплетены, исследователю всегда надлежит четко их, эти нити-вектора, различать, понимать и удерживать. И г)

что из себя будет представлять система, – система либо «власти», либо Управления, – прежде всего зависит от субъектов, сингулярных, ее наполняющих и определяющих собой.

Следует заметить, что существует множество понятий так или иначе соотносимых, в своих значениях, с понятиями «власти» и Управления, и каждое из них в той или иной степени может быть рассмотрено с точки зрения онтологического различия «власти» и Управления и соответствующим надлежащим образом определено; однако данные понятия в различных контекстах, впрочем как то же понятие Управления, – отчего автор постоянно и различает понятия Управления и общеупотребительного «управления», практически неразличимого со «властью», – могут употребляться, и употребляются, в чрезвычайно различных смыслах, и оттого автор полагает несколько излишним и нецелесообразным их, этих понятий, с онтологической, «власти» и Управления, точки зрения детальный разбор, ограничиваясь рассмотрением понятий «управления» и «манипуляции» как весьма сопоставимых, и в своей мейнстримной онтологии, с современным понятием «власти», как обозначением отрицательного и отчужденного вектора «становления».

В частности, *манипуляция* – такое подавление человека, при котором тот поступает в соответствии с чужими волей и интересами, будучи совершенно уверен, что действует по своей воле и в своих интересах. Манипуляция основывается на ненавязчивом воздействии на подсознание субъекта, и сходна с тем, что называется гипнотическим внушением, но, в отличие от последнего, всё же предполагает внушаемое, внешне, состояние субъекта, который, будучи манипулируемым в одном направлении, вроде как во всех прочих проявлениях своей деятельности мало в чем отличается от «нормально внушаемого». Если власть, как таковая, основывается прежде всего на страхе, то манипуляция использует иные методы и факторы воздействия (аналогичные «соблазну»); и если и использует страх, то страх самый что ни на есть подсознательный, очень плохо осознаваемый, – потому как только он, этот страх, осознается, то воздействие это, видимо, тут же вынужденно обращается уже не в манипуляцию, а в непосредственную «власть», требующую дополнительных, «непосредственных», воздействий. Впрочем, манипуляцию вполне можно назвать одним из видов именно властного, подавляющего, воздействия.

А что касается Управления, то а) Управление, в противоположность власти, должно характеризоваться *положительным отбором*, отбором б) людей творческих и разумных; Управление само по себе есть творчество («огонь творчества»), и, подобно гераклитовскому Логосу, «правит всем посредством всего» («гегелевская «хитрость разума»); в) Управление – власть, как следствие внутреннего мейнстрима субъектов, *снята* – снята бытием, идеей, самосознанием и самовоспитанием этического индивида; г) Управление, в сущности, идеократично; властный же субъект именно разрушает всякую идеократию, обращая ее в систему пустых идолов и сутубых инструментов подавления (прежде всего, кстати, подавления

человеческого творчества); и, наконец, д) Управление зиждется на взаимном *уважении*.

Управление есть процесс осуществления идеи (но никак не «идола», разумеется), движимый энтелехией этой идеи. Управление есть, если угодно, «выправление» отчуждений «власти», и в этом смысле, то, что автор называет Управлением есть снятие «власти», ее диалектическое преодоление.

Управление – исключительно «человеческий» процесс. И в то же время – оно ориентировано на человека. Для власти всякий другой человек – лишь средство; для Управления – всякий человек цель, самоцель.

Как представляется автору, «власть» подобным образом философски до сих пор снята не была; и лишь в данном исследовании начинается осмысление и осознание путей и возможностей подобного преодоления, выправление онтологических, экзистенциальных властных искажений человеческого бытия. Управление, тот вектор становления, который автор называет Управлением, разумеется, накрепко перевившись со «властью», существует и существовал всегда, но только лишь не различался от власти, философски практически не раскрывался; и лишь иногда, косвенно, вскользь, обозначался в концепциях тех или иных философов, однако никоим образом не подводящих именно онтологических оснований под свои размышления. Автор же в своей работе предлагает именно опыт подобного размышления.

Автор выводит и своеобразную диалектику власти и Управления: называемое в теории управления и автором «*квазиправлением*» (в чём-то аналогичные разумному Управлению процессы в природе) можно расценить как «*тезис*»; то что называется «*властью*» – как «*антитезис*», «*отрицание*»; а вот называемое *Управлением* – как «*отрицание отрицания*», хотя, навряд ли, всё же, как «*синтез*». Квазиправление есть своего рода «программа» («генетическая», например), по которой разворачиваются процессы становления («изменения») и «самоорганизации» в природных, особенно в сложных, системах; «власть» – это «человеческое, слишком человеческое», в значительной степени «переворачивающее» эти «программы», «выворачивающее» их «естественный» отбор и прочие «квазиправленческие» вещи, она есть их, если угодно, «меоническая» их деформация: *безличный* «естественный» отбор, в частности, обращается в отбор «единично» отрицательный, *антиличный*. Называемое же автором Управлением кардинально *снимает* это «отрицание», радикально исправляет положение, в частности – отбор. Однако, по-видимому, осуществляет оно это снятие, в определенной мере, всё же и в гегелевском смысле, – ибо без «власти», ее «подавления», но уже тщательно избирательного, наверное, никак нельзя: например, в отношении а) людей «властных», которые жаждут власти и всегда, сбиваясь в стаи, противостоят тому, что называется Управлением и, вообще, личности, и б) без нее, «власти», нельзя, хотя, пусть и в минимальной уже степени, и используя ее, разумеется, исключительно уже в качестве «средства», и в весьма «смягченном» ее виде, в отношении субъектов просто «эстетических» (в кьеркегоровском смысле).

Как уже было сказано, *Система власти* довольно зависима, в своей «узловой» онтологии, от правящего («управляющего», «властвующего») субъекта, – учитывая, разумеется, всю подковерную борьбу кланов, интересов и пр., – однако в современных «глобальных» сверхсложных системах – системы эти, по представлению автора, сами уже начинают определять свои как онтологические, так и феноменологические характеристики и изменения, сами определяя свой системный отбор и «выбор» («управленческие решения»); и процессы в этих, «сверхсложных», системах начинают течь уже «не линейно», и система, в бифуркационных точках своего становления, точках «выбора», скорее всего, существует и выбирает себя уже сама, своих «субъектов», хотя, разумеется, и в определенном соотношении с этими наполняющими ее наличествующими субъектами, с их специфической, экзистенциальной онтологией.

Для исследования онтологии власти автор обращается к семиотическим ее, власти, аспектам, – поскольку *знак*, в принципе, и представляет собой этот своеобразный набросок, проекцию субъекта (властного субъекта) на иное, других, «подавляя» их собой.

Знак представляет собой поверхность проекции «власти»: он, с одной стороны, подавляет, а с другой – «соблазняет»; то же самое, в принципе, осуществляет и «власть»: подавляет и, ради этого подавления, соблазняет. В основе «власти», в экзистенциальном ее ракурсе, лежит страх, и, с одной стороны, этот страх толкает властного субъекта, бессознательно, на подавление других, и, с другой стороны, осуществляется это подавление – тоже страхом; аналогично и знак – он страшит; он создается как грань «отвратительного», «запретного» («табу»), и в то же время, обратным движением, он создает необходимый здесь привязывающий соблазн, влечение, априорно подавленное, отчужденное в себе, к преодолению этого запрета.

Онтология знака есть онтология «поверхности власти» (отчужденного становления, проекции стремления к небытию); онтология же *символа* есть онтология культуры (в более узком, тематическом, смысле – Управления).

Во второй главе «Раскрытие философских проблем власти и Управления в различных философских концепциях» автором рассматриваются различные философские концепции в той или степени весьма ценные и показательные в рамках данного исследования; автор довольно избирательно подходит к указанным концепциям, отбирая именно те, которые, по его мысли, в наибольшей степени отвечают поставленной проблематике и способны помочь в раскрытии некоторых ее аспектов.

Обыкновенно концепции различных философов, применительно к рассматриваемой проблеме, излагают в хронологической последовательности; автор, в принципе, так и поступает, с тем исключением, что Ницше и Фрейд, их концепции и понимание «власти», он предлагает к рассмотрению первыми, – он поступает так в связи с тем, что концепции Ницше и Фрейда в наибольшей, может быть, степени близки к

вышеизложенным онтологическим исследованиям «власти». А далее уже представляет материал в хронологическом порядке.

Автор объединяет Ницше и Фрейда в одном, первом в этой главе, параграфе по той причине, что а) и тот и другой полагают в основание своих концепций, пусть и называющееся и совершенно различно, практически одно и то же «влечение», – «либидо» Фрейд и «волю к власти» Ницше, – однако б) нуждающееся в довольно радикальной, но *конструктивной*, критике и пересмотре, и переименовании, тем паче пересмотре и переименовании друг относительно друга.

Например, ницшевская «*воля к власти*» («*der Wille zur Macht*») есть «противоречие в определении» и правильнее было бы говорить о «*воле к могуществу*», «воле к действительности» etc., но никак, в русском переводе, не к «власти» (чья онтологическая суть – небытие); «власть» есть паразит воли, питается за ее счёт, и «воля к власти», в этом смысле всегда оборачивается банальной «волей к смерти», «социальной некрофилией» (в терминах Фромма), стремлением к небытию.

Аналогично, фрейдовское «либидо» в большей степени есть именно «стремление к власти», а никак не «любовь». Фрейдовский «комплекс Эдипа» (как и «комплекс кастрации») есть, по сути, лишь одна из аватар *комплекса неполноценности*, того же глубинного рессентимента, а вовсе не следствие проявления какой-либо «любви», например к «матери»; а если и «любви», то уже совершенно ущемленной, *отчужденной*, кастрированной властью («властью Отца») и обернувшейся жадной власти как компенсацией «отрезанного самолюбия», компенсацией комплекса неполноценности.

Данное фрейдовское желание, по сути, обладания есть, априори, уже желание подавленное, отчужденное в себе; подобное желание, либидо, предполагает отнюдь не действительное становление, но – лишь подавление других, овладение ими; подобное желание есть следствие и эффект внутреннего меона субъекта, его, субъекта параноидного страха, бессознательного разумеется, который воспроизводит и, главное, фиксирует человеческие вождения («либидо») на том или ином объекте («выбор объекта»), полагая этот объект, человека, именно *объектом*, т.е. тем, что, в принципе, не имеет и не может иметь никакой самости («свободы»), – подобно ему самому, вожделяющему власти, исходящему из собственного внутреннего меона, психологическим выражением которого является комплекс неполноценности.

Весьма оригинальная и интересная концепция такого последователя Фрейда как Лакан а) не только подтверждает авторскую гипотезу о фрейдовском «либидо», как о, прежде всего, уже отчужденном, априори, в себе влечении, которое более адекватно следовало бы назвать «стремлением к обладанию» (но никак уж не «любовью», которая суть онтологический, напротив, избыток), которое, данное «влечение к обладанию» («власти»), зиждется на внутреннем небытии, первичном онтологическом зиянии, но и б) углубляет и расширяет проблему относительно всей фаустовской культуры и, в частности, философии, ее прафеноменальных основ, – столь блестяще, хоть

и не без определенных «шероховатостей» (которые автор, кстати, и рассмотрел выше) рассмотренных и обнаженных Ницше, – основ, на которых выстраиваются практически все, принципиально, концептуальные и мировоззренческие фаустовские модели (в частности, здесь, например, у Гегеля).

Применительно к античной философии, автор обращается, в указанном отношении, прежде всего, к концепциям Гераклита и Платона. Гераклит в своем философском мировоззрении, касательно власти и Управления, исходит из принципа *Одного*, – *Одно*, для Гераклита, которое может выражаться как Логос, есть Бытие, есть нечто противоположающееся им относительно небытию, «становлению», «изменению» (в определенной степени, *меону*), принципиальной множественности, дурной множественности. Управление, в авторских понятиях, можно определить как гераклитовский принцип *Одного*, – не в смысле, конечно, некоего «авторитаризма» или «тирании», а, напротив, именно «царя в голове», «в душе», – что есть противоположность «принципу» «множественности», дурной текучести, т.е. «разрухе в головах», внутренним *меонам* и *хаосам*, как раз и предполагающим установление различных «тираний» и «авторитаризмов». Управление же, в авторских понятиях, напротив, предполагает аристократию, духовную разумеется, в пределе – «монархию» (как правление действительно лучшего), если угодно, собор и сотрудничество. Управление и есть, наверное, метафорически, с соответствующими изменениями, тот гераклитовский мерный творческий огонь.

Наиболее подробно автор останавливается на философии Платона. Онтология власти, и, шире, всего общества, выстраивается Платоном в аналогии с *онтологией* человеческой души, онтологией отдельного человека. Ежели онтология человека *меоническая*, т.е. в душе такого человека превалирует *меон*, самая «низкая» часть его души, то такой человек, в силу подобного всепожирающего и всеподавляющего *меона*, *хаоса*, кстати, как раз и стремящийся весьма ко власти, получив властные полномочия, вскоре установит вокруг себя, в окружающей его социально-политической системе, соответствующее состояние, соответствующую системную «онтологию»: *меоническую*; ежели же человек в душе своей определен Бытием, т.е. Идеей, Разумом, – и такой человек обозначается Платоном как «философ-правитель», – то и система управления (в широком смысле), которой станет управлять подобная личность будет системой именно, в авторских понятиях, Управления; воцарившийся же «демиург» («ремесленник», в терминологии Платона) установит лишь исключительно властную, в авторских понятиях, систему.

К сожалению, человек, в котором правит «разумная душа», отнюдь, оттого, не стремится к власти, а человек, у которого, напротив, правит душа «вождедеющая», к этой власти очень и очень стремится, – оттого и в обществах, разумеется, обыкновенно, приходят к власти те, кто туда более всего стремится, с одной стороны, но, с другой стороны, они, эти

приходящие и дорвавшиеся до власти субъекты, есть те, кого к ней, «власти» (к правлению, в широком смысле) ни в коем случае допускать нельзя.

Также следует заметить, что каждый из типов правления из определенных Платоном имеет свою специфическую, с вариациями, онтологию, онтологию, которая, прежде всего, выражается, с одной стороны, фигуре правителя (тирана, в частности), а с другой – в онтологических характеристиках большинства населения, «управляемых». И чем меньше *бытия* в субъектах, в их «душах», тем меньше *бытия* и в обществе.

К Власти, по Платону, приходят в «реальной жизни» именно в наименьшей степени ее, Власти, правления, достойные; и общество поэтому, в «реальности», зачастую устроено крайне несправедливо, – иерархия в нём, аналогично иерархии душевной, перевернута: самые низкие – обыкновенно «наверху»; торжествует отрицательный властный отбор; и справедливый человек, поэтому, в этих властных условиях, и «несчастлив», более «ущербен», нежели господствующий человек несправедливый, «властный». И для того, чтобы подобное положение дел исправить – необходимо кардинальное переворачивание всей общественной системы, его, общества, селективной системы. Однако осуществление этого «переворачивания» чревато только еще большим усилением отрицательного отбора; а исправить сложившееся положение можно лишь в случае актуализации в душе каждого единичного, справедливого человека вот этого *эйдоса гражданственности*, общественной свободы и ответственности, который нарисовал Платон; и если каждый единичный, достойный человек будет все свои социальные поступки и выборы совершать в соответствии с этим эйдосом, руководствуясь им, понимая суть общественных, аналогичных «душевному», процессов, то что-то в обществе, неизбежно, станет меняться в лучшую сторону, иерархический отбор станет менее отрицательным и т.д. Только таким образом может происходить действительное смещение, если угодно, от Власти к Управлению.

Платоновское «Государство» не столько есть произведение, посвященное «Всеобщему», «общественному устройству», сколько – личному, единичному, «экзистенциальным» проблемам взаимоотношения человека и общества, человека и государственной власти, «взаимоотношениям» в душе человека и, в соответствии с ними – общественным «душевному» иерархиям и взаимоотношениям.

Что касается Макиавелли, то тот, рассуждая о Правителе и насущной стратегии его правления, говорит, прежде всего, в авторских понятиях, о «власти», о методах и способах ее захвата и удержания; он говорит не о «должном» (что, скорее, можно соотнести было бы с Управлением), а о «сущем», т.е. о том, что обыкновенно имеет место во «властных» системах и структурах. И в этом отношении, автор выделяет в концепции власти Макиавелли несколько основополагающих насущных принципов: в частности, «принцип властного отбора», «принцип страха», «принцип репрезентации правителя» и т.д.

Далее автор довольно подробно останавливается на философской концепции Гегеля, в частности – его «диалектике раба и господина».

У господина – сущность раба, у раба – господина. Господин – в сущности, раб своего раба.

Господин, победив, подавляет раба – до раба; и тем самым, изначально, сам впадает в рабство: перед своим рабом, – рабом, отныне обеспечивающим его средствами к существованию; однако этот, хозяйственный, материальный, аспект лишь один из аспектов более глубокой, духовной, экзистенциальной онтологии рабства/господства, – подавление другого до раба есть онтологический «грех» перед самим собой.

Человек склонен видеть всех других по аналогии с собой, даже не столько склонен, сколько иначе просто не может, – неизбывный «идол пещеры» межчеловеческих отношений. И следовательно, видя в Другом своего раба, он, господин, видит самого себя – раба – раба возможного, но который вполне может, вследствие власти этого Другого, стать рабом этого Другого и в действительности: т.е. видит он только собственный *Страх*, *страх Другого*. Порочный круг рабства – господства/рабства, – Страха. Нет свободы, ее возможности, трансценденции в нее.

Раб – поработщает. Человек, рабский по своей сути, жаждет только одного – поработить другого, других. Свободный человек – освобождает.

Лишь освободившись от этого «раба в себе», можно говорить о какой-либо, вторым шагом, свободе социальной. Социальной свободы, данной директивно, не бывает. Свобода завоевывается – изнутри. Победой над рабом в себе, прежде всего.

В основе же господского Вожделения (Begierde) лежит «слишком человеческий» меон/укон, зияющий и тотальный Страх Другого.

Гегелевская диалектика «раба и господина», действительно, блестяща, по своим выводам и интуиции; однако в своих путях и нюансах – она вполне в плену некоторых нелепостей и стандартных стереотипов, фаустовских установок. «Диалектика раба и господина» у Гегеля обнажает, прежде всего, прафеноменальную суть фаустовского мировоззрения, как специфически и ярко выражающего меоническую онтологию власти; каждая культура, разумеется, специфически выражает и конституирует в себе и из себя этот отрицательный, отчужденный вектор становления, который автор обозначает как «власть», проецирующий на иное себя, как «подавление», – гегелевская же диалектика прекрасно показывает эту «сущность» в ее фаустовском преломлении и реализации.

Если же говорить о самой «диалектике господства и рабства», то, очевидно, сущность господина есть сущность рабская; господин есть, в сущности, раб более своего раба, – кстати, именно раб, впоследствии, оказывается способен на *самосознание* («скептицизм», «стоицизм», «христианство»), а господин – никоим образом не способен; и рабство, «господина», оно не столько даже «материально» (без раба господин не может жить), сколько – духовно, прежде всего, онтологично; сущность господина – тот же внутренний меон (укон).

Наиболее же, как представляется автору, глубокое проникновение в суть «власти» осуществлено в «Легенде о Великом Инквизиторе» Достоевского (в его романе «Братья Карамазовы»).

Достоевский в «Легенде...» раскрывает суть Власти, властной манипуляции людьми, основывающейся на модели «трех искушений» и «чуда, тайны и авторитета»; посредством «трех искушений» и «чуда, тайны и авторитета» Власть захватывает человека, – как извне, так, что, может быть, много важнее, *изнутри*, – и человек, подобным образом захваченный, сам зачастую уже хочет, а) власти и б) быть подобным образом захваченным, – дабы «реализоваться» в своих собственных уже властных вожделениях, определяемый внутренним своим небытием.

В русской философии, в частности у Ф.М. Достоевского, имеет место совершенно иное понимание и отношение к тому самому отрицательному и отчужденному вектору становления, который автор обозначает «властью», нежели в фаустовском мировоззрении, – практически противоположное. Достоевский, в частности, прекрасно, интуитивно, чувствует и прозревает эту, именно онтологическую, опасность для всего сущего Власти, ее Укона (чистого Меона), – что и выражает в своей блестящей «Легенде о Великом Инквизиторе».

И что касается, шире, русской философии, то в аналогичном Достоевскому ключе рассуждали о «власти» и другие отечественные философы (Бердяев, Розанов, Вышеславцев etc.), и каждый из них, хоть и весьма специфически подходя к данной проблеме, в *прафеноменальном* культурном основании своих рассуждений придерживался тех же самых, что и Достоевский, интуиций.

В третьей главе «Преломление онтологии власти и Управления в различных философских аспектах» автором рассматривается то как предложенная им экзистенциально-онтологическая концепция власти преломляется в различных философских аспектах: этических, психологических, социальных, культурных, политологических etc.

Этические аспекты «власти» и Управления, наверное, есть, во-первых, наиболее яркие и насыщенные для каждого человека, и, с другой стороны, весьма иллюстративные и показательные в отношении постулируемой в данной работе меонической онтологии «власти».

В «этическом», аналогично управлению, обыкновенно соприсутствуют два противоположно направленных, онтологически, вектора, интенции, становления, которые, с определенными оговорками, автор обозначает как «*нравственность*» и «*мораль*»; под «нравственностью» он понимает личную нравственность (совесть) человека, то, что Кьеркегор называл «этическим», т.е. «субъективным», то действительно единичное, в котором, гармонически, удерживаются личный и общественный этос, – сферу действительной этики, собственно этического: т.е. ту сферу, в которой осуществляется, и должно осуществляться, то, что автором называется Управлением; «моралью» же, с соответствующими оговорками, автор обозначает нечто противоположное – близкое с понятием «власти» с ее меонической онтологией; она, «мораль»,

есть нечто подавляющее, обращающее действительную нравственность, – суть которой в субъективности, экзистенции индивида, – в нечто подавляющее и отчужденное, фарисейское, ханжеское, в *идол*, во «власть».

Всякая культура вырабатывает, на разных этапах своего развития, различные виды «этики», однако, в принципе, в каждой культуре, в той или иной мере, с соответствующими изменениями, можно обнаружить две эти онтологически-этические ветви, которые автор обозначил как «мораль» и «нравственность» и соотнес их с властью и Управлением; Управление – нравственно; «власть» – безнравственна, по определению, «меонична».

С другой стороны, надо отметить, что «мораль», точнее сказать, «этика», правителя есть нечто совершенно иное, нежели «этика» обывателя, единичного индивида.

Нравственный выбор – основа и проблема Управления; *властный же субъект не ведает «выбора»*, тем более нравственного, его проблемы, по определению, поскольку не страдает «внутренним», «субъективным» (по верной мысли Кьеркегора); властный субъект – поверхность и пустота, – не имеет измерения «внутреннего», чувства вины, меоничен в себе; он, по существу, *не рефлексивен*.

Если кто-то над кем-то как-то и может властвовать, то только посредством его же, подвластного, Страха. Власть основывается на страхе, как на первичном Страхе, имеющем своим непосредственным источником «чистый меон» субъекта (то что Лакан называл «объектом «а»», зияющим местом «Другого»), так и на «вторичных» и тривиальных страхах, так же жгущихся на том первичном Страхе и усиливающих его, резонирующим с ним; впрочем, на первичном страхе основываются и все прочие человеческие Вожделения, и главное из них – «вожделение власти». Управление же (в авторских понятиях) предполагает, напротив, преодоление страха, снимает страх, и основывается на самосознании (преодолении своего страха, меона в себе, своей «жажды власти»), уважении, чувстве долга и прочих, нравственных, прежде всего, моментах.

Первичный Страх, который владеет властным субъектом и предопределяет его, властного субъекта, «властное вожделение» надлежит кардинально различать с экзистенциальным страхом «ничто» (нем. Angst), который есть переживание, напротив, предстояния перед зияющей бездной своего «укона», «ничто», первое, возможное, противостояние ему, преодоление, начало экзистенциального самосознания и подлинного самоуправления.

Как уже было сказано, «власть» можно в определенной мере соотнести с тем, что называется «моралью». Мораль – тот идол, который использует властный субъект, дабы удовлетворить свой комплекс неполноценности, свой внутренний меон, *рессентимент*, утверждая свою власть. Властный субъект может использовать любую прекрасную идею, любую идеологию, дабы, прикрываясь ими и их посредством, утолять, говоря при этом

«высокие» слова, лишь свою жажду власти, подавлять других; разумеется, при этом весьма пороча и опошляя саму Идею.

В «морали», если угодно, зачастую имеет место лишь одна, необходимая, сторона «этического»: «всеобщая». То, посредством чего (точнее, его симулякром), властные субъекты подавляют порядочных людей; впрочем, и не только порядочных; посредством «морали» властный субъект подавляет и себе подобных, зияющих внутренним меоном существ; и вследствие подобного подавления в обществе, вроде как, иногда устанавливается «порядок», но этот «порядок» – чисто внешний, поскольку никакой действительной самоорганизации, личного самоуправления он не предполагает, и даже более того – противится, по своей сути, ему; ибо Власть, властному субъекту всё равно – что меоны других людей, что их «идеальные сущности», – он подавляет всё без разбору; подавленный же в своём меоне «субъект» внешне «изображает» фигуру «порядка», «порядочности», но под этим спудом, постоянно усиливаемый в своём рессентименте, лишь возрастает тот же неизбежный комплекс неполноценности. Мораль – лишь «всеобща», она лишена главного этического стержня – единичного этоса субъекта. А вот то, что автор называет «нравственностью» – это и есть то, что обретается в мерной личной напряженности единичного и всеобщего. И в этом смысле, нравственность можно соотнести с тем, что автор называет Управлением (которое всегда уже есть, прежде всего, *самоуправление*). Управление нравственно. Власть, по определению, безнравственна.

Видимо, справедливо будет сказать, что в каждой культуре есть своё понимание «власти»; очевидно, что каждой культуре, в каждый период ее развития, свойственен и органичен свой тип «власти», свой тип «правления»; но так же очевидно и то, что каждая культура творит и своё представление о том, что мы называем «властью» вообще (в ее диалектике с Управлением).

Онтология культуры – идеально-бытийна, в большей мере. В ее основании лежит ее, культуры, идея, *специфически здесь и теперь преломленная* и искаженная; культура всегда, в принципе, жиждется на некоторых ценностях; и в этом смысле культуру можно, в определенной мере, соотносить с Управлением (смысл коего, разумеется, более узкий, с его τέλος); в основании цивилизации – оставшийся, от иссякшей в своей энтелехии идеи, «идол»; цивилизация, зачастую и довольно бурно, воспроизводит свои внешние формы, поверхности, видимости, но под ними уже нет живого начала, энтелехии, ценностей, а – лишь всё ширящийся меон («власть»; в частности, ныне – как Капитал, власть Капитала; капитал – антагонист культуры).

Самоуправление, как основа Управления, требует Культуры, прежде всего – творческого самовоспитания, творческой Самости и ценности; «власть» же, напротив, всегда склонна утверждаться в культурных разрывах, зияниях, в культурном меоне и хаосе, сама же его, этот «внутренний меон», воспроизводя и создавая.

Культура как своеобразно организованное становление, в онтологическом плане, есть противоположность власти; в то же время «власть» является ее оборотной и неотъемлемой стороной, *изнанкой, тенью* Культуры. Культура есть несколько более широкое понятие, нежели Управление; Управление есть, если угодно, специфический частный случай целенаправленной актуализации Культуры. Культурный отбор, как и отбор Управленческий, есть и должен быть противоположен отбору «властному».

Когда культура вырождается и из нее уходит ее *дух*, ее действительная энтелехия, и культура обращается в цивилизацию – т.е. в чистое воспроизводство своих технических и формальных эффектов, без какой-либо своей действительной сущности, «души», – то и традиции, которые являются основанием культуры, вырождаются в сугубо властную поверхность, выражающуюся, обычно, в форме властной манипуляции столь же выхожденными индивидами, и в тривиальную бюрократию; а народ обращается в массу, «публику» (по выражению К.С. Аксакова), со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Несмотря на то, что *психологические* аспекты власти – это, скорее, частности, своего рода лишь эмпирическое оправдание и иллюстрация ее онтологической сущности, однако они тоже чрезвычайно важны здесь и показательны.

«Внутренний» меон субъекта разворачивается и актуализируется на первых стадиях жизни ребенка, – в той или иной степени, – и выражается в таких «ранних» психологических формах как параноидный страх или страх депрессивный; и этот «меон» («уко́н») конституирует то, в своём «душевно́м» зиянии, что обыкновенно называют *комплексом неполноценности*, как раз и продуцирующим и воспроизводящим из себя практически неизбежную уже «жажду обладания» («власти») человека, на которой зиждутся уже все прочие его, в корне отчужденные, вожделения и страхи. Стремление власти, психологически, суть компенсация комплекса неполноценности.

Властный субъект, психопатологически, в самом простом виде, определяется и характеризуется манией величия и манией преследования.

То, что властный отбор есть и будет отбором сугубо отрицательным, – и не только с точки зрения этической, но и с психологической, не говоря уж об онтологической, – элементарно подтверждает и психология: это есть отбор, в значительной степени, патологический.

Властным субъектом, с точки зрения психологической типологии, можно назвать «*эпилептоида*»; психика «эпилептоида» представляет собой наиболее подходящую для реализации отчужденного «стремления к власти», утоления комплекса неполноценности, «складку»; противоположностью эпилептоида является «*шизоид*», – однако «*шизоид*», чистая «субъективность», в чистом виде, никак не может быть реализован, в своей Управленческой деятельности, вовне, – и может, наверное, разве что выступать как идеальный тип «*даосского*» «*неподвижного*» правителя, завязывающего на себе все символы и ценности системы, подвигая ее к

возможной *самоорганизации*; эпилептоид же, напротив, как властный субъект, редуцируя, подавляя, систему до своей вожделеющей поверхности, лишает ее всякой возможности, возможно, главного – способности к самоорганизации и самоуправлению.

Знание психологических особенностей людей различных типов весьма насущно в осуществлении *Управленческого* отбора, дабы он не обратился в отбор, наоборот, исключительно «властный».

Одним, скажем так, из аспектов *религии* является ее управленческий аспект; и, может быть, для «религии» наиболее важно и актуально, чтобы этот, Управленческий именно, аспект не вырождался во «власть», и, тем самым, не вырождалась в сугубую «власть», подавление, сама Религия.

Бог (в Христианстве), как Бог любви, есть противоположность именно «власти», «небытия», воплощением коего, небытия, здесь, как воплощением и персонификацией Власти, является фигура Дьявола (автор здесь не берёт в расчёт и не рассматривает постоянное искажение в «историческом» «реальном» «христианстве» вышеопределенной идеи, – для данной авторской это не суть важно).

Понятие Бога, как Господина, действительно, предстаёт здесь как тотальное отчуждение человеческой сущности. «Бог» как *отчужденная* человеческая сущность конституируется лишь как «второй шаг» уже всегда первичного собственного человеческого отчуждения, выражающегося в его, отчужденного в своей сущности человека, *рессентименте*, выстраивающем, как компенсацию своей внутренней подавленности определенный, отчужденный, образ «бога»; если же мы не полагаем «бога» как наводящего Страх и карающего господина, то такой образ Бога отнюдь уже является следствием подавленного в себе человеческого существа, проецирующего свой рессентимент на «абсолютное», «трансцендентное», и, следовательно, не соотносится со властью и подавлением, «меонической онтологией».

Если же говорить о взаимоотношении человека религиозного, в терминах Кьеркегора, и власти, то, с одной стороны, действительно религиозный человек, по Кьеркегору, определяющийся в своем единичном отношении с Богом, «абсолютом», есть человек «внутренний» («Бог внутри нас»), – и в этом смысле он, такой человек, совершенно недоступен для «власти»: «власть» его может лишь убить, в крайнем случае, но не заставит быть «подвластным», т.е. бояться, не сможет подавить его в его сущности, потому как сущность его держится за действительный, абсолютный стержень, Бытие – Бога. С другой стороны, религиозный человек может быть соотнесен с Управлением. Но исключительно, по точному выражению того же Кьеркегора (высказавшегося подобным образом касательно деятельности апостолов), «парадоксально»: либо а) как несущий «бремя и крест» «правления» (Управления, в авторских понятиях), и в этом смысле «противоречая» своей «религиозной», сугубо «субъективной», сущности, взвалив на себя *грех* правления, либо б) с тем же внутренним чувством и стержнем может, отчасти «парадоксально», соучаствовать некоему

действительному Управлению (но никак не «власти»), цель которого (стратегическая) «спасение душ», «субъективная истина» каждого.

В то же время, как полагает автор, религия, отчуждаясь от своей подлинной сущности («веры»), может легко обращаться во «власть», особенно в ее, власти, магических формах, в тотальное подавление (частный случай чего – псевдоморфический «священный синод» в послепетровской России), подавляя, как действительно божественное в человеке, т.е. именно Человеческое, его экзистенцию и субъективность. В этом смысле можно говорить о *фетишизме* власти. Мировоззрение властного субъекта есть, в принципе, фетишистское мировоззрение.

И вообще, религию, как таковую, нужно, в принципе, отличать от *магии*. Религия (*вера*) представляет собой момент свободы и творчества, как сказал бы Бердяев, «мистики», в то время как магия имеет в себе сугубо властный мировоззренческий момент, а именно – представление о человеке, и не только о человеке, но и о «духах», «богах» и пр., как о сугубо манипулируемых существах, подчиняющихся тем или иным способам манипуляции, основанным на принципах метафоры и метонимии, полагаемых «реальными», – которые, к слову, есть аналогичные принципы и манипуляции сознанием, повсеместно осуществляемой современной массовой моделью Власти. – И тем самым отчуждает она, магия, тотально, как бы изнутри, человека от а) его творческой сущности, экзистенции и б) от общества, других людей, которые, в подобном магическом («властном») мировоззрении, полагаются, неизбежно, такими же, манипулируемыми, в принципе, марионетками, «объектами».

В частности, современные религиозные секты – как феномены *религиозной симулятивной гиперреальности*, есть проявления чистой «власти», лишаящей людей какой-либо «бытийной» их сущности, напрочь подавляя ее, и полагая на ее место идол «гуру», – и в этом смысле, может быть, удаляя в наибольшей степени несчастного человека от Бога.

Политические, как, в определенной мере и *социальные*, аспекты автор полагает вторичными по отношению к экзистенциальной онтологии «власти», однако оттого не менее важными, тем более они представляют собой необходимый диалектический момент конституирования человека в его социальной целокупности.

Особенно актуально, и показательно, как полагает автор, в настоящее время рассмотреть с постулируемой точки зрения такое «политическое», и, даже, шире – политэкономическое учение как «*либерализм*» (в широком спектре его полагания). Либерализм есть, с одной стороны, нечто логично вытекающее из специфического развития западной, *фаустовской* цивилизации (культуры), вполне «органичное», с соответствующими оговорками, и свойственное именно человеку фаустовского типа, с его *прафеноменальной «волей к власти»* (именно, здесь, «волей», а не сугубым желанием, – волей, как чем-то, в определенной степени, конструктивным и разумным), и наличием «государства-в-себе», пусть нигде в чистом виде, даже на Западе, не существующее, – поскольку, в чистом виде, он,

«либерализм», всё равно, был бы крайне разрушителен даже для человека подобной специфической, фаустовской, формации и всего общества («гражданского общества»); с другой стороны, либерализм тем более является исключительно разрушительной моделью для стран, так называемых, «третьего мира», имеющих совершенно иные культурные основания и совершенно иные типы людей, с иным менталитетом и отношением к миру, и либеральная идеология, внедряемая в подобные культурные образования служит исключительно деструктивным целям, – как в культурном, «человеческом», социальном, так и в экономическом планах, – служит исключительно *подавлению* этих культур и установлению на данных пространствах новой, своей, специфической Власти.

Весьма актуально, в контексте вышеизложенного, как представляется автору, сопоставить некоторые социально-политические особенности *русской* и фаустовской культур, а также сопоставить их друг с другом, в своих особенностях в свете рассмотренной онтологии власти.

1) Установившаяся (с петровских времен) в России, российском государственном управлении, управленческая *псевдоморфоза* (понятие философии Шпенглера) только лишь усиливает, во всех узлах своей системы, внутренний меон властных, «управляющих», субъектов, являясь, по сути, чуждой и отчужденной формой, *отчуждающей* «управляющего» («властного») субъекта от его управляемой подсистемы, народа, культуры в целом; и как вытекающая из петровского личного *рессентимента* ко всему русскому, не может не производить именно «власть» (подавление); 2) данная модель работает исключительно в *подавляющем* плане, т.е. исключительно «властном», но никак не управленческом, потому как Управление, действительное, предполагает общественное, если угодно, управленческое единство и Управляющих, и Управляемых, их действительно единую ценность и идею, подлинность и соборность, в то время как наличествующая псевдоморфическая система представляет собой как раз именно фигуру и следствие культурного, ценностного раскола, неизбежно подавляющего культуру и народ, производящую, неизбежно, отрицательный иерархический отбор и пагубно, отчуждающе и меонически, влияющую как на «верхи», так и на, развращаемые тем самым, «низы»; культура, в своих онтологических основах, *лишается перспективы* развития и ценности; 3) данная модель совершенно не учитывает именно культурных, в глубоком, онтологическом плане, особенностей «управляемой» системы, поскольку создана в совершенно иной культурной среде, в частности, имеющей совершенно иное понятие о «свободе», которая, «свобода», полагается там, в фаустовской культуре, как возможность и осуществление своей «воли», нечто прежде всего «внешнее», собственная проекция на внешнее, в то время как свобода в русской культуре есть прежде всего «внутреннее», для которого «внешнее» не имеет практически никакого значения и ценности; и, например, «свобода политическая» для человека данной культуры, русской, выступает почти как нечто «порабощающее», чужое и «суетное», неважное, и попытка псевдоморфической переориентации человека русской культуры на

подобные, отчуждающие его, «неестественные» для него модели поведения, может приводить, и приводит, к катастрофическим, прежде всего, кстати, в личностном плане, последствиям, оборачиваются, в своих результатах, своею противоположностью; 4) та же «власть» в русской, действительной, культуре представляется, с одной стороны, как нечто недостойное и низкое, как грех, а с другой – как «священное», поскольку, видимо, человек, взваливший на себя «бремя и крест» «власти» здесь полагается как человек «страдающий более всех», поскольку взял на себя подобную миссию, – что, в принципе, является совершенной противоположностью, в трактовке и понимании «власти», для современного фаустовского человека, для коего «власть» есть отнюдь не «грех» и «низкое», а, напротив, вполне «естественное» и даже «высокое» состояние: со всеми отсюда онтологическими и экзистенциальными, не говоря уж о политических и социальных, само собой разумеющимися выводами.

Современная властная массовая модель в значительной степени основывается на *манипуляции сознанием*; в основе манипуляции сознанием, ее семиотики, лежит специфически преобразованный «миф». Всякий *Миф*, по сути, представляет собой своеобразную четверицу: а) миф как последняя «реальность», б) миф как иллюзия и фантазм, в) миф как человеческое творчество, нечто освобождающее, и г) миф как нечто подавляющее, инструмент Власти, ее дискурсов, – и, таким образом, миф, содержа в себе подобные четыре момента, с одной стороны, аналогично, кстати, всякому человеческому «правлению», содержит в себе и моменты и «власти», с ее меонической, подавляющей онтологией, и моменты Культуры, Управления, и, значит, вполне может быть всякий раз использован как Властью, в ее меонических, по сути, целях, так, впрочем, и Управлением, в его ценностных целях творчества и освобождения человека, раскрытия его возможностей.

Современная массовая манипуляция специфически «преобразовывает» миф, выхолащивает его, низводит до некоей, «квазизнаковой», «раскрепощающей», поверхности. Современная властная массовая модель основывается, прежде всего, на манипуляции сознанием, конституирующей, посредством своих новых «мифов», вопиющие и иллюзорные, раздутые индивидуалистические «эго», потребителей, нарочно пестуя в манипулируемых массах, людях этих масс, гипертрофированный комплекс неполноценности, внутреннюю их пустоту (меон); в частности, посредством «мифологии» «свободной личности», которая, разумеется, никакой личностью, тем более свободной, в действительном смысле этого слова, не является, т.е. имеющей внутренний этос, Бытие, но – является сугубо ориентированным на Обладание существом, *пустым* и, оттого, вождедеющим.

Другим важнейшим моментом массовой манипуляции, своего рода прикрытием вышеупомянутого нарочито конституируемого экзистенциального «небытия» человека, являются так называемые «общечеловеческие ценности», в корне, в своём происхождении, противоречивые (тем более, исходящие из сугубо «номиналистического»

источника – фаустовской цивилизации): поскольку ценности, в принципе, есть культурное производное, а каждая культура, во всякую свою эпоху, создаёт свои специфические этические и, шире, культурные ценности, а полагание их, неких, своих, «западных» и современных «ценностей», как «на все времена общечеловеческих», есть, во-первых, следствие специфической, спроецированной на Время, на Историю, фаустовской «*воли к власти*», во-вторых, «ложная метафора», – кстати, создание «ложных метафор» есть один из важнейших способов промывки мозгов, – поскольку, в-третьих, воспроизводит тот же столь повсеместный в нынешней идеологии манипулирующий эффект «смешения природного и культурного (исторического)».

Одним из подобных мифологических орудий осуществления «*воли к власти*» современной «западной» цивилизации является «*постмодерн*». Который представляет собой а) естественное состояние современного, «охлажденного», общества, пребывающего в принципиально поверхностном состоянии платоновской «демократии», но, в то же время, и б) своеобразную игрушку для «внутреннего» пользования интеллектуальной западной элиты и для развращаемого ею обывателя, лишаемого тем самым устойчивого сопротивления глобальной властной массовой манипуляции сознанием; и, наконец, в) он, «постмодерн», есть «вирус», разлагающий ценностные установки всех прочих культур и народов, так или иначе неподдающихся глобальной Власти.

Манипуляция сознанием, если говорить применительно к разбираемой проблеме онтологии «*власти*», прежде всего именно подавляет людей в их действительной творческой сущности, ненавязчиво, а порой и навязчиво, пестуя в них комплекс неполноценности, онтологически говоря – внутренний меон (укон), жажду Обладания, – и ставит себе на тотальную «службу», завладевая их «душой».

А что касается общеполитических выводов о качестве тех или иных типов политических устройств, то, как замечает автор, можно сказать, что нет «идеальных» типов правления: всякий народ, во всякое время своего бытия создает ту или иную, в той или иной степени оптимальную для себя, форму правления; возможно, для всякого народа, в то или иное время его культурного существования, можно обнаружить и определить наиболее оптимальную форму государственного правления, однако данная форма всякий раз, неизбежно, будет оказываться различной, и всегда со своей спецификой и вариациями.

С другой стороны, система правления, всё же, как полагает автор, не является столь уж определяющей, – более важным являются субъекты, собой ее наполняющие и определяющие; всякую вроде как «прекрасную» систему управления (если, наверное, не брать здесь в расчёт сверхбольшие и сверхсложные системы) могут напрочь испортить несколько исключительно «властных» субъектов; а всякую, казалось бы, ужасную, меоническую властную, тираническую систему могут вполне обратить в нечто достойное, в Управление, несколько достойных, аристократичных по духу,

«благородных» (в терминах Конфуция), людей. Суть не в типах правления, не в системах – а в людях, в их специфике и качествах; причем эта специфика и качество должны соответствовать культурным качествам и специфике управляемого большинства, его культуре и, как полагает автор, его экзистенциальной онтологии.

Итак, во всяком обществе, во всякой культуре, и во всяком, свойственном данному культуре, типе правления, сосуществует, специфически «перевиваясь», два вышерассмотренных «онтологических вектора», как касательно общественных, социально-политических аспектов, так и аспектов личностных, субъективных, экзистенциальных – «вектора» *власти* и *Управления*, – и для более адекватного восприятия этих культур, и типов и видов правления, «государственной власти», в них, и, тем более, для понимания людей, субъектов данных культур и государств, насущно и необходимо уметь всегда различать эти два «векторных» онтологических момента: Управление и власть. – В их своеобразной, всякий раз, специфике и выражении.

Положения, выносимые на защиту:

1. Онтология власти есть онтология меоническая (уконическая).
2. Онтология власти есть онтология прежде всего онтология экзистенциальная (личностная); личность, с ее специфической онтологией, первична всякой властной системе.
3. Основное выражение власти, как ее определение, есть подавление других, стремление к подавлению других; в основании этого стремления к власти (подавлению других) лежит страх; источник этого изначального страха – внутренний меон (укон, небытие) субъекта; власть есть непосредственная проекция этого небытия на других.
4. Психологическим аналогом и выражением указанного внутреннего меона (укона) субъекта является комплекс неполноценности, компенсация его.
5. В этическом ракурсе, ситуативной актуализацией данной онтологической сущности власти является рессентимент; в этике необходимо четко различать мораль (отчужденный внешний момент) и нравственность (экзистенциальный внутренний); в основании морали – лежит рессентимент; нравственность – в преодолении его.
6. В едином процессе, именуемом обычно «властью», всегда имеют место два противоположных онтологических вектора становления: власть (в узком смысле, как это понятие используется в данной работе) и Управление.
7. Управление (специфически понимаемое, заведомо пишется автором с заглавной буквы), – как целенаправленное интенсифицированное творчество, – экзистенциальный вектор становления, обратный вектору власти.
8. При изучении той или иной социальной системы необходимо различать моменты власти и Управления; и на основании этого различия уже делать соответствующие выводы.

9. Управление и власть суть экзистенциальные характеристики и именно они предопределяют интенции и сущность всякой властной системы, первичны ей.

10. Власть ориентирована на обладание; Управление – на бытие. Человек для власти – средство; для Управления – цель. Онтологическая основа Управления – идея, ценность; меоническая сущность власти продуцирует идола (симулякры).

11. Всякая конструктивно настроенная управленческая система должна преодолеть в себе момент власти, приближаясь, насколько это возможно в конкретных условиях, к Управлению.

12. Исследуя социальные процессы всегда необходимо удерживать эти два экзистенциально-онтологических момента: власть и Управление.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих опубликованных работах:

Монографии и брошюры:

1. *Васильев Г.Е.* Философия Базилевса. Метафизика. Этика. (монография) - М.: Прогресс-Традиция, 2007. – 375 с. – 23, 5 п.л.

2. *Васильев Г.Е.* Дар благородства. Герменевтика. Политика (монография). - М.: Прогресс-Традиция. 2008. – 479 с. – 30 п.л.

3. *Васильев Г.Е., Кайдаков С.В., Ляпустин А.Г.* Человек: сущность и существование. Проблема человека в западноевропейской философии. (авторство не разделено) – М., 2008. – с.22-68. – 5,5 п.л.

4. *Васильев Г.Е.* Историографическая «шизофрения». Петровские реформы в свете философии власти и Управления. (монография) – М.: Франтера, 2008. – 73 с. – 5 п.л.

5. *Васильев Г.Е.* Домарки о власти. Философские проблемы власти и Управления. (монография) – М.: Франтера. – 2009. – 186 с. – 12 п.л.

Статьи, опубликованные в центральной периодической рецензируемой печати ВАК РФ:

6. *Васильев Г.Е.* Лев Толстой, псевдоморфоза и рессентимент. Философия культурных искажений. (статья) // **Вопросы культурологии.** № 10 – М., 2008. – с.66-70 – 0,5 п.л.

7. *Васильев Г.Е.* Л.Н. Толстой: «непротивление злу» и «противление зрису». Трагедия и игра противоположностей. (статья) // **Вопросы культурологии** №8 – М., 2008. – с. 15-19 – 0,6 п.л.

8. *Васильев Г.Е.* Заключительные экзистенциальные домарки к «Философии Базилевса». Окончание. (статья) // **Вопросы культурологии** №6 – М., 2008. – с. 48-51. – 0, 5 п.л.

9. *Васильев Г.Е.* Заключительные экзистенциальные домарки к «Философии Базилевса» (статья) // **Вопросы культурологии** №5. – М., 2008. – с. 57-60. – 0, 5 п.л.

10. *Васильев Г.Е.* Человек современной цивилизации в ракурсе власти и Управления (статья) // **Вопросы культурологии** №3. – М., 2008. – с.45-45. – 0, 5 п.л.

11. *Васильев Г.Е.* Актуальный философ К.С. Аксаков: современная публика и манипуляция сознанием (статья) // **Вопросы культурологии** № 12. – М., 2007. – с.80-82. – 0, 5 п.л.

12. *Васильев Г.Е.* Актуальный философ К.С. Аксаков: современная публика и манипуляция сознанием. Окончание. (статья) // **Вопросы культурологии**. №1. – М., 2008. – 0, 5 п.л.

Научные статьи и тезисы:

13. *Васильев Г.Е.* Цель Управления и проблема свободы (тез. док.) Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы управления» Вып. 6. – М., ГУУ, - 2008. с. 78-81 – 0,3 п.л.

14. *Васильев Г.Е.* Идея Управления и идол власти (статья) // Вестник университета (ГУУ). Социология и управление персоналом. № 3 (41) – М., 2008. – с. 27-29. – 0, 5 п.л.

15. *Васильев Г.Е.* Онтология и семиотика капитала в свете философии власти и Управления (статья) // Вестник университета. Социология и управление персоналом. № 1 (39). – М., ГУУ, - 2008. – с. 30-33. – 0,6 п.л.

16. *Васильев Г.Е.* Экзистенциальное послесловие к «Философии Базилевса» (статья) // Вестник университета. Социология и управление персоналом (ГУУ). № 3(29) – М., ГУУ, - 2007. – с. 41-46. – 1 п.л.

17. *Васильев Г.Е.* Размышления о науке в контексте философии власти и Управления (статья) // Вестник университета. Социология и управление персоналом (ГУУ). № 6 (32). – М., ГУУ. – с. 53-59. – 1 п.л.

18. *Васильев Г.Е., Бекренева М.Г.* Открытость и возвращение к Традиции как экологическая парадигма мышления (тез. док.) // Материалы международной научной конференции студентов и молодых ученых «Живые системы и биологическая безопасность населения». – М.:МГУПБ. – 2007. – с.347-348. – 0,2 п.л. (авторство не разделено)

19. *Васильев Г.Е., Тулина А.Г.* Духовная безопасность и «добрая память» Истории (тез. док.) // Материалы международной научной конференции студентов и молодых ученых «Живые системы и биологическая безопасность населения». – М.:МГУПБ. – 2007. – с.350-351. – 0,1 п.л. (авторство не разделено)

20. *Васильев Г.Е.* Личность и общество. Специфические российские проблемы управления (статья) // Вестник университета. Социология и управление персоналом. (ГУУ) №9 (35) – М.: ГУУ. – 2007. – с. 22-26. – 0,6 п.л.

21. *Васильев Г.Е.* О современном человеке в ракурсе власти и Управления (к 190-летию со дня рождения К.С. Аксакова) (статья) // Вестник университета. Социология и управление персоналом. (ГУУ) №7 (33) – М.: ГУУ. – 2007. – с.37-41. – 0, 7 п.л.

22. *Васильев Г.Е.* «Левиафан» Гоббса как модель государственного фаустовского мировоззрения в свете философии власти и Управления (тез. док.) // Научная конференция «Реформы в России и проблемы управления» - М.: ГУУ. – 2007. – 0,2 п.л.

23. *Васильев Г.Е.* Власть теста. Тест власти (статья) // Вестник университета. (ГУУ) №5 (18) – М., ГУУ. – 2006. – с. 44-53. – 1 п.л.

24. *Васильев Г.Е.* Система управленческого отбора: психологические аспекты (тез. док.) // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы управления. Вып.5». – М.:ГУУ. – 2006. – с.230-233. – 0,2 п.л.

25. *Васильев Г.Е.* Принципы философии власти Макиавелли в современных условиях глобализации (тез. док.) // Материалы научной конференции молодых ученых и студентов «Реформы в России и проблемы управления». - М.:ГУУ. – 2002. – 0,3 п.л.

26. *Васильев Г.Е., Королева Е.Ю.* Мифология чистой воды (тез. док.) // Материалы международной научной конференции студентов и молодых ученых «Живые системы и биологическая безопасность населения». – М.:МГУПБ. – 2004. – с.148-151. – 0,2 п.л.

27. *Васильев Г.Е.* Мембранная теория культуры и власти (тез. док.) // Сборник научных трудов «Научная сессия МИФИ». – М.:МИФИ. – 2005. – с.106-107. – 0,2 п.л.

28. *Васильев Г.Е.* Этногенетическая концепция Гумилева и типология власти Платона (тез. док.) // IV Российский философский конгресс. т.2. – М.:МГУ. – 2005. – с. 213-214. - 0,2 п.л.

29. *Васильев Г.Е., Тимофеев А.В.* Субъективные аспекты власти и Управления (тез. док.) // Материалы международной научной конференции студентов и молодых ученых «Живые системы и биологическая безопасность населения». – М.:МГУПБ. – 2005. – 0,2 п.л. (авторство не разделено)

30. *Васильев Г.Е.* Первые проблемы семиократии (тез. док.) // Сборник научных трудов «Научная сессия МИФИ». – М.:МИФИ. – 2006. – с.80-81. – 0,2 п.л.

31. *Васильев Г.Е.* Целерациональность Управления (тез. док.) // Материалы научной конференции молодых ученых и студентов «Реформы в России и проблемы управления 2006. Вып.2». – М.:ГУУ. – 2006. – с.307-309. – 0,2 п.л.

Итого: Основные положения диссертации отражены в 31-ой публикации, общим объемом 86,5 п.л.

10 =